

УДК 343.8

Правовой институт покаяния и пенитенциарное право

А.Ф. Галузин,

кандидат юридических наук,
заместитель прокурора Самарской области
Россия, Самара

Даются определения понятий правового института покаяния, пенитенциарного процесса и права, пенитенциарной функции государства и гражданского общества.

Ключевые слова: покаяние, право на покаяние, правовой институт и процесс покаяния, пенитенциарное право, цель и идея (принцип) покаяния, пенитенциарная функция.

Философские законы и смыслы явлений социального и субъективного бытия конкретизирует и дополняет философия права, в том числе (с учетом подразделения права на отрасли) и философия уголовного права.

Основной в уголовно-правовом контексте философии права является дихотомия взаимосвязанных и относительно самостоятельных явлений «преступления и наказания», имеющих социальную, антропологическую (субъективную биопсихологическую, душевно-духовную и т.д.), морально-нравственную, правовую природу и сущность, состоящую в детерминированном ими покаянии (публичном раскаянии) совершившего преступление лица, порождаемом свойственной природе и сущности человека раскаянием по законам индивидуализации, социализации, иных процессов жизнедеятельности.

Покаяние как естественное свойство, право, деятельность человека является выражением человеческого (гуманного), его психофизической, душевной потребности в раскаянии, актом гуманизма и материализовано в человеке и его деятельности в форме рефлексии вредоносного деяния, вины, ответственности, раскаяния, исправления и их выражения, принимаемого и одобряемого обществом, государством. При таком понимании покаяние предстает одной из деятельностных материальных форм объективации сущего (человеческого) явления гуманизма, источником и носителем которых является раскаяющийся человек, ориентированный на гуманность общества, государства.

Урегулированное правом покаяние в его философском и нравственном контексте гуманистического бытия человека и общества является категорией философии права и правореализационного процесса, элементом и сущностной характеристикой содержания права и его реализации, придающими праву и правоприменению гуманистический смысл.

Латинское слово *пенитенциарный* русским языком заимствовано в значении «относящий-

ся к покаянию (добровольному признанию в содеянном) [9, с. 549] и раскаянию (сожалению о содеянном) [9, с. 657]», то есть к действиям лица, раскрывающим и объективирующим вонне покаянием результаты его скрытой внутренней психической деятельности раскаяния. Внутреннюю активность раскаяния и внешнюю активность покаяния допустимо соотносить как исходную и последующие формы возникновения и объективации субъективного раскаяния в содеянном и его ожидаемых последствий: исходная форма — *субъективное раскаяние*, последующая — *объективное раскаяние*, и она же — начальная стадия очевидных и подпадающих под правовое регулирование и контроль общества и государства *объективных покаянных действий* лица и содействующих ему участников юридического процесса покаяния, включающего обусловленное раскаянием *исправление*.

Таким образом, «пенитенциарный» — исправительный, направленный к возбуждению раскаяния в преступнике [8], связанный с тюремным заключением как исправительной мерой [17, с. 84]. Приведенные лексические значения слов *покаяние*, *раскаяние*, *исправление* являются исходными в толкованиях обозначаемых ими юридических понятий, терминов, категорий, их соотношении.

Категория «покаяние» является правовой: в ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее — УК РФ) [13] *объективное раскаяние* получает определение через *деятельное раскаяние*, включающее явку с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба и выступает основанием освобождения лица от уголовной ответственности: в п. «н» ст. 61 УК РФ — смягчения наказания; в ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года [15] (далее УПК РФ) — прекращения уголовного дела. Статья 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1996 года (УИК РФ) устанавливает целью уго-

ловно-исполнительного законодательства следующую за объективным (деятельным) раскаянием и определяемую им стадию покаяния — «*исправление*», а задачей — «помощь в социальной адаптации» осужденного [14] или начальный этап следующей за исправлением стадии покаяния — *законопослушной социальной адаптации*, которая сформулирована в ст. 3 Европейских пенитенциарных правил как «реинтеграция в общество следованием требованиям законности, удовлетворением своих жизненных потребностей собственными силами» и цель исправительного воздействия на осужденных, осуществляемого с использованием средств исправительно-воспитательного воздействия (ст. 66), программ исправительного воздействия (ст. 70.2), собственным исправлением осужденных (ст. 69.1), поддержанием порядка, дисциплины (ст. 33) и т.д. [10].

Объективированное вольно по воле кающегося (сожалеющего и признающего свою ошибку, вину, грех [9, с. 657]), субъективное раскаяние предстает объективным (деятельным) раскаянием — системой действий, составляющих содержание: 1) *правового (юридического) покаяния* в его стадиях — этапах объективного раскаяния, исправления, законопослушной социальной адаптации; 2) *правомочий права на покаяние* (на объективное раскаяние, исправление, законопослушную социальную адаптацию) совершающих его лиц и объективно гарантирующих реализацию покаяния правомочий и действий ведущих расследование, осуществляющих правосудие, исполняющих заключение под стражу и уголовные наказания лиц, то есть *правомочий сторон покаяния*: стороны совершающей и принимающей, документирующей содержание покаяния в процессуальной форме(ах) его объективации.

Субъективное раскаяние предстает естественным для явления покаяния и права на покаяние системообразующим началом: предшествованием, истоком, обуславливающим и связующим объективные стадии процесса покаяния, их внутренним, присущим психике любого человека свойством духовно-душевной деятельности и элементом, оцениваемым опосредованно, через регулируемые правом его проявления в объективных покаянных действиях деятельного раскаяния, исправления, законопослушной социальной адаптации. Криминологические исследования подтверждают, что негативное отношение к наказанию может сочетаться с глубоким раскаянием, что главное в исправлении — раскаяние [4, с. 94].

Правовыми основаниями обеспечения (осуществления, охраны, защиты) покаяния в действующем законодательстве являются: 1) материальные нормы уголовного, уголовно-про-

цессуального и уголовно-исполнительного права, закрепляющие содержание покаяния как гуманистической социально-правовой *идеи* (мысли, побуждающей к действию, процессу) — *межотраслевого принципа*, и составляющие *материально-правовой межотраслевой институт покаяния*; 2) процессуальные нормы оперативно-розыскного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, образующие *процессуально-правовой межотраслевой институт покаяния*, нормирующий, упорядочивающий в форме процессуальных правоотношений пенитенциарную процедуру совершения, принятия и оформления покаянных действий, устанавливая обеспечение (осуществление, охрану, защиту) покаяния как *пенитенциарное назначение (цель, принцип)* оперативно-розыскного, уголовного, уголовно-исполнительного процессов.

Совокупность этих институтов составляет межотраслевой массив материальных и процессуальных норм *пенитенциарного права в широком понимании*, включающего *пенитенциарное материальное и процессуальное право*, соотносящиеся как материальное содержание правового покаяния-деятельности и процессуальная форма-гарантия его обеспечения, содержащая правовые процедуры, способы фиксации, удостоверения покаянных и иных действий, их стимулирования, безопасности. *Пенитенциарное право в узком смысле* — это уголовно-исполнительное материальное и процессуальное право. Материальные и процессуальные нормы пенитенциарного права в широком понимании выражают *пенитенциарную функцию государства*, осуществляемую в том числе органами расследования, правосудия, уголовно-исполнительной системы (УИС).

Обеспечение материальной и процессуальной составляющих покаяния образуют действия участников сторон покаяния, подразделяемые на *осуществление* и принятие, документирование явки с повинной, деятельного раскаяния, досудебного сотрудничества, исправления, законопослушной социальной адаптации, а также *охрану и защиту* (безопасность как наличие материальных условий и процедур, создающих субъективное состояние защищенности) осуществления покаяния, прежде всего принимающей раскаяние и содействующей покаянию стороны. Обеспечение (осуществление, охрана, защита) покаяния происходит в *объективных процессах* (оперативно-розыскном, уголовном, уголовно-исполнительном) при наличии и на основе *субъективных покаянных процессов* подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных лиц и наиболее эффективно — при наличии ориентированных на обеспечение покая-

ния уголовного преследования, правосудия, исполнения содержания под стражей и уголовных наказаний.

Иначе говоря, материализацию субъективного раскаяния и последующего покаяния преступника системно обеспечивают (способствуют осуществлению, охраняют и защищают — делают безопасным) объективные для них оперативно-розыскной, уголовный и уголовно-исполнительный процессы, являющиеся пенитенциарными в части покаяния, и их властно-уполномоченные участники в пенитенциарных правоотношениях реализации пенитенциарных процессуальных норм оперативно-розыскного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, составляющих *пенитенциарное процессуальное право в широком смысле*.

В связи с раскаянием и в части покаяния объективные процессы приобретают характер единого межотраслевого *юридического пенитенциарного процесса* как особой интеграционной формы юридического процесса и реализации пенитенциарного процессуального права. Пенитенциарный процесс в *узком понимании* — это обособленный, относительно самостоятельный процесс реализации процессуальных и материальных норм уголовно-исполнительного права, регулирующих исполнение и отбывание заключения под стражу и уголовных наказаний, включающее наиболее длительные, трудоемкие и сложные по содержанию и оценке их результатов стадии покаяния: исправления, подготовки к законопослушной социальной адаптации, сопряженных с раскаянием в совершении латентных преступлений и т.д.

Предвещающие покаяние явка с повинной и исповедь [3, с. 566] о правонарушении, являющиеся и нарушением морально-нравственных, религиозных норм, заповедей закона Божия и т.д. — грехом [3, с. 36], а также последующие действия правового покаяния исходят из *естественного права правонарушителя (грешника) на покаяние* — на регулируемые религиозными, моральными нормами и публичным правом действия и их благоприятные нравственные, юридические и социальные последствия для лица, совершающего покаяние, и общества.

Покаяние как явление (право, цель, принцип, процесс, категория и т.д.) существует в правовой (юридической), религиозной и светской формах, каждая из которых и их сочетание могут иметь место в покаянии правонарушителя, заключенного под стражу и осужденного. Фундаментальное право человека и гражданина на покаяние является единым по природе и сути субъективным раскаянием и покаянием во всех названных их формах, различно и разноаспектно формализующих содер-

жание покаяния, права на покаяние с учетом функций морали, религии, права. Право на покаяние не формализовано в самостоятельное одноименное юридическое право, но выражено косвенно в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве путем закрепления покаянных действий, правомочий на эти действия и правоотношения, гарантий их обеспечения. *Правовая определенность права на покаяние и гарантирующих его обеспечение обязанностей властно-уполномоченной стороны покаяния системно образует институт покаяния, пенитенциарный процесс его реализации и смежных с правом на покаяние пенитенциарных прав*. Право личности на покаяние и связанные с обеспечением покаяния права на общение с близкими, уполномоченными представителями гражданского общества, на охрану здоровья, образование и т.д. могут быть названы с учетом их ограничений для заключенных и арестованных лиц *пенитенциарными правами*, а совокупность их правомочий на безопасность — *пенитенциарным правом на безопасность*, уровень обеспеченности которого(ых) является критерием обеспеченности пенитенциарной безопасности в УИС.

Отсутствие в законодательстве формализации права на покаяние является пробелом — отсутствием системообразующего начала и противоречием имеющемуся правовому механизму обеспечения покаяния. Его преодоление возможно посредством конкретизации в части пенитенциарных прав предмета защиты прав человека, провозглашенной ст. 2 Конституции Российской Федерации приоритетом государства, с учетом того что: 1) состав правомочий любых, в том числе пенитенциарных, прав человека включает правомочие на безопасность, а их совокупность — «право на безопасность» [1, с. 32—35]; 2) защита прав названа в ст. 1 Федерального закона от 10.07.2012 № 114-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» задачей оперативно-розыскной деятельности, в ст. 6 УПК РФ — назначением уголовного судопроизводства, в ст. 1 УИК РФ — задачей уголовно-исполнительного законодательства.

Юридический состав правомочий покаяния является правовым основанием обеспечения юридического и согласуемого с ним неюридического процессов покаяния как форм объективации психологического и социального самоопределения преступной личности в преступном и законопослушном обществе в интересах самой личности и общества: ресоциализации из криминального общества, законопослушной социальной адаптации (вторичной социализации, реинтеграции в общество). Являясь фундаментальным правом и имея различные

формы выражения, право на покаяние обуславливает параллельность и связанность юридического и неюридического обеспечения правового и иного покаяния: они могут предшествовать друг другу, опережать, обуславливать одно другое и т.д.

Следовательно, обеспечение этого права государством как пенитенциарная функция предполагает участие на законных основаниях гражданского общества (религиозных, правозащитных, гуманитарных и иных объединений и организаций) в форме содействия субъективному и объективному покаянию содержащихся под стражей, осужденных лиц и их безопасности, то есть легальное системное использование возможностей юридического, религиозного и иных социальных механизмов покаяния, что позволяет выделять *пенитенциарную функцию государства и гражданского общества*.

Пенитенциарная сущность заключения под стражу и отбывания уголовного наказания проявляется в субъективном выборе подозреваемым, обвиняемым, заключенным, подсудимым и осужденным лишь по их воле и желанию объективации раскаяния в юридических действиях правового покаяния вступлением в пенитенциарные правоотношения с представителями государственных органов расследования, правосудия, исполнения заключения под стражу и уголовных наказаний в стадиях покаяния, которые могут быть прекращены в любое время иницировавшим покаяние лицом. Раскаивающийся вправе самостоятельно распоряжаться своим правом на покаяние, что свидетельствует о том, что *диспозитивность является основным принципом и методом правового регулирования покаяния и пенитенциарных отношений его обеспечения*, в том числе — осуществления пенитенциарной функции. Соответственно, *диспозитивность процесса покаянного отбывания заключения под стражу, уголовных наказаний и обеспечения его исполнения — основа раскаяния и стадий покаяния*, притом что основным методом регулирования исполнения, ориентированного на принудительность исполнения и подчиненного ему отбывания, включающего покаянное отбывание, является преимущественно императивный метод. Европейские пенитенциарные правила обращения с заключенными называют предпосылками достижения исправления «желание и силу воли самого заключенного, а также тесное сотрудничество между пенитенциарными учреждениями и свободным обществом» [12], также невозможные без диспозитивности их правового регулирования.

Задачи исправления и подготовки к социальной адаптации осужденных, сформули-

рованные в ч. 2 ст. 1 УИК РФ, ст. 14, 17, 19, 31 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [11, с. 88—89] (далее — Закон № 103-ФЗ), названы целями (пенитенциарным назначением) деятельности УИС, достигаемыми в процессе обеспечения пенитенциарных прав и реализации принципов гуманизма и демократизма (ст. 8 УИК РФ). Эти процессы и их последствия являются *гуманизацией и демократизацией, или пенитенциаризацией*, процессов исполнения и отбывания содержания под стражей и уголовных наказаний и всей жизнедеятельности УИС.

Понимание принципа гуманизма как уважения человеческого достоинства [5, с. 74] включает, на наш взгляд, *пенитенциарное достоинство* заключенного, осужденного (положительные человеческие качества субъекта раскаяния и покаяния, являющиеся социальной гуманитарной ценностью и целью исполнения и отбывания уголовных наказаний), а также сотрудника, обеспечивающего покаяние и уважение человеческого достоинства заключенного и осужденного, что позволяет определять принцип гуманизма как пенитенциарный принцип уголовно-исполнительного права.

Принцип демократизма (ст. 8 УИК РФ) также является пенитенциарным принципом — правовой нормой, подлежащей реализации как идея «демократизации пенитенциарного процесса исполнения и отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний»: участия гражданского общества в установленных законом формах в контроле, осуществлении, управлении государственными органами и учреждениями УИС пенитенциарным процессом, ориентированным на покаяние. В таком понимании принцип демократизма отражает особую, применимую в пенитенциарной сфере форму проявления демократии (народовластия). Демократизм — это наличие демократии в различных формах ее проявления, зависящих от особенностей сфер жизнедеятельности общества и государства: демократия по-разному проявляется в политической сфере, сферах государственного устройства и управления, пенитенциарной сфере и т.д. Использование потенциала диспозитивного правового регулирования в действующем уголовно-исполнительном законодательстве является недостаточным, диспозитивность не связана с покаянием, что позволяет утверждать об искусственности привязки незначительных элементов диспозитивности исполнения наказаний к принципу демократизма исполнения и отрицать его как принцип уголовно-исполнительного законодательства при-

менительно к отношениям государства и осужденных, управления исполнением наказаний [11, с. 92—93].

Пенитенциарность назначения и содержания процессов исполнения и отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний определяет перспективы трансформации и переименования уголовно-исполнительного законодательства в пенитенциарное, более определенно формулирующее пенитенциарные цель, принцип, институты, процедуры, права участников, правовые средства их обеспечения, как назначение УИС и смысл переименования этой системы и ее деятельности в пенитенциарную. Эта определенность и обусловлена, и практически значима тем, что состоявшиеся покаяния, их удельный вес среди всех субъективных процессов отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний являются показателями и критериями оценки пенитенциарного (гуманного) уровня и качества практики органов расследования, правосудия, УИС, обеспечения ими пенитенциарных прав, включающих правомочия на пенитенциарную безопасность и видов пенитенциарной безопасности человека, общества и государства в УИС и вне УИС от противоправных деяний (опасностей) субъектов исполнения и отбывания арестов и уголовных наказаний [2].

Среди видов пенитенциарной безопасности систематизирующей их основой является *безопасность человека*: лица и личности участников пенитенциарного процесса, совершающих и обеспечивающих покаяние, иных участников (родственников, представителей органов контроля, надзора и т.д.). *Состоявшееся покаяние в форме исправления*, основным критерием которого является отказ от противоправного поведения и фактическое соблюдение, ненарушение законных требований исполнения и отбывания уголовных наказаний, то есть законопослушная пенитенциарная жизнедеятельность как показатель готовности к законопослушной социальной адаптации, *становится фактом неопасного состояния осужденного для иных лиц и его персональным вкладом в обеспечение безопасности человека и иных разновидностей пенитенциарной безопасности*: в создание фактического режимного правопорядка как фактора безопасности персонала, других заключенных и осужденных, процессов (действий) исполнения и отбывания

(покаяния) и т.д. и предупреждение пенитенциарных опасностей, основную часть которых составляют нарушения правил режима. *В этом контексте обеспечение (осуществление, охрана, защита) покаяния (покаяний, их массовости) может рассматриваться как способ обеспечения видов пенитенциарной безопасности.*

Действующий институт покаяния несовершенен и вследствие этого неэффективен. Например, в Самарской области покаяния, завершившиеся прекращением уголовного преследования следователями, составили в 2008 г. 0,4%, в 2009 г. — 1,0%, в 2010 г. — 0,6%, в 2011 г. — 0,7% от законченных расследованием уголовных дел. Судами прекращены за деятельным раскаянием в 2009—2011 гг. дела в отношении 0,8% лиц от всех осужденных. С учетом оценки судами личности (раскаяния и исправления) освобождены из мест лишения свободы условно-досрочно в 2008 г. — 58,8%, в 2009 г. — 54,9%, 2010 г. — 54,4%, 2011 г. — 56,6% осужденных от числа имевших право на такое освобождение.

Причинами неэффективности института покаяния представляются изживающие себя односторонность и неполнота выражения в законодательстве явления покаяния. Так, из всех стадий покаяния наиболее детально, но без связи с исправлением и социальной адаптацией регламентировано лишь деятельное раскаяние, которое направлено на обеспечение борьбы с преступностью. Такой подход представляется односторонним и неполным, не учитывает социальную ценность системного правового обеспечения выявления и поддержки субъекта в объективации раскаяния и в прохождении всех стадий покаяния, включающего исправление личности преступника и его законопослушную социальную адаптацию как реализацию субъективного права и законного интереса общества и государства в борьбе с преступностью, то есть без учета социальной вредности не осуществления права на покаяние и безопасность покаяния.

Очевидной представляется *необходимость закрепления* в оперативно-розыскном, уголовном, уголовно-процессуальном законодательстве *покаяния в качестве их назначения (цели, принципа)* с внутренне непротиворечивыми механизмами правовых средств и гарантий обеспечения покаяния¹, включающих правомочия лиц, осуществляющих уголовное пре-

¹ Например, гл. 40.1 УПК РФ регулирует не только сотрудничество обвиняемого со стороной обвинения (следствием, прокурором), но и особый порядок рассмотрения судом, не являющимся стороной соглашения, дела в отношении лица, выполнившего условия соглашения. При этом представлением прокурора о выполнении обвиняемым условий соглашения, как следует из ч. 1 ст. 317.6 УПК РФ, является единственным основанием особого порядка судебного заседания, исключающего обжалование приговора, и прокурор наделяется не свойственным ему правом определять порядок судебного заседания, а подсудимый лишается возможности реализовать свое процессуальное право на выбор особого или общего порядка, допускающего обжалование приговора, и право на защиту подсудимого обжалованием приговора, вынесенного в особом порядке.

следование и правосудие, не только обнаруживать, принимать и использовать деятельное раскаяние в целях раскрытия преступлений и вынесения приговоров, но и учитывать достоверность объективации покаяния в качестве *пенитенциарного критерия* полноты и обоснованности обвинения и приговора (наказания), его справедливости и законности. Пенитенциарный критерий оценки деятельности этих органов ориентирует органы уголовного преследования и суды на обеспечение и фактическую обеспеченность права на покаяние в деятельном раскаянии как основе возможного последующего исправления в форме законопослушного или покаянного отбывания заключения под стражу или уголовных наказаний и подготовки к законопослушной социальной адаптации осужденных.

В этой связи необходимы конкретизация правомочий указанных субъектов и сотрудников УИС в обеспечении субъективного раскаяния на всех стадиях покаяния, в том числе с учетом необходимой законодательной регламентации неюридических форм содействия покаянию; выработка и закрепление в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном и ином законодательстве единых понятий «раскаяние», «исправление», «социальная адаптация» как взаимосвязанных стадий покаяния и т.д., унифицирующих институт покаяния, вносящих правовую определенность в практику обеспечения покаяния, в том числе при исполнении приговоров, включающем условно-досрочное освобождение от наказаний и т.д.

Покаяние — это не только инициатива и достижение кающегося лица, элемент его человеческого достоинства, но и гуманитарная, социальная и государственная ценность, принцип (идея) и цель правовой жизни, что явно неадекватно выражено в действующем правовом институте покаяния и его соотношении с другими институтами права, в формальной неопределенности права на покаяние, пенитенциарного права, пенитенциарной функции общества, государства и т.д. Данный вопрос требует внимания исследователей, правоприменителей, законодателя и допускает возможность введения категории *пенитенциарное* для обозначения содержания социально-правового явления покаяния, его сущности и содержания (смысла), а также обсуждения и разрешения связанных с правовым регулированием и обеспечением покаяния проблем.

Пенитенциарный процесс исполнения и отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний состоит из осуществляемого государством *уголовно-исполнительного процесса* (его стадии адаптации, обычных, стро-

гих, облегченных условий, окончания срока наказания и непокаянного отбывания), в котором основные субъекты — исполнители — сотрудники УИС, и субъективных *процессов отбывания*, в которых основные субъекты — заключенные и осужденные лица, и которые включают: 1) субъективные покаянные процессы отбывания заключенных и осужденных лиц в стадиях объективного раскаяния, исправления, законопослушной социальной адаптации; 2) непротиводействующее субъективным покаянным процессам отбывание отрицающими покаяние заключенными под стражу и осужденными лицами. Термин «уголовно-исполнительный процесс» здесь обозначает «связанный с исполнением установленных уголовным правом «покаяния» и «уголовных наказаний» как выполнение органами государства исполнительных действий, обеспечивающих покаянное и иное отбывание заключения под стражу и уголовных наказаний в пенитенциарном процессе.

В уголовно-исполнительной доктрине обосновано понятие уголовно-исполнительного процесса с учетом признания наличия в уголовно-исполнительном праве процессуальных норм, устанавливающих порядок действий учреждений и органов лишь в исполнении и только уголовных наказаний и реализующих материальные нормы уголовно-исполнительного права [7, с. 32—33; 16, с. 337—340 и др.]. В то же время нормы, регулирующие порядок реализации прав и обязанностей субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, определяют и процедурными, отличая этим от процессуальных — предназначенных для применения санкций, осуществления правосудия, других форм правовой защиты [11, с. 298], вследствие отсутствия прямого указания на наличие процессуальных норм в уголовно-исполнительном законодательстве, и выделяют: порядок исполнения отбывания как системный процесс; процедуру отбывания; объектно-субъектные составы (элементы структуры) исполнения и отбывания [11, с. 346—347, 366, 436]. В таком понимании, соответствующем закрепленной в действующем законодательстве концепции подчинения отбывания уголовно-исполнительному процессу, рассчитанному на отсутствие покаяния в отбывании, на исправление под влиянием карательно-воспитательного воздействия стороны исполнения, процесс исполнения является самостоятельным относительно непокаянного и покаянного субъективного процесса отбывания.

При ориентированности действий исполнителей на обеспечение покаяния как самостоятельного и диспозитивного субъективно-объективного процесса уголовно-исполнитель-

ный процесс становится органичной частью единства исполнения и отбывания в пенитенциарном процессе и при наличии непокаянного отбывания.

Условиями этого единства в действующем уголовно-исполнительном законодательстве являются: 1) наличие в уголовно-исполнительном процессе двух сторон — участников процессуальных правоотношений и подчиненности стороны отбывания законным требованиям стороны исполнения, уполномоченной принуждать к отбыванию, права которой, в том числе по обеспечению исправления и подготовки к социальной адаптации осужденных, — обязанность стороны отбывания, и наоборот; 2) единый для уголовно-исполнительного процесса и процессов отбывания, в том числе покаянного, режим — установленный законом и соответствующий ему фактический порядок совершения составляющих его процессуальных действий (правоотношений) и достижения их целей.

Особенностью единого пенитенциарного процесса исполнения и отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний, включающего ориентированность исполнения на обеспечение покаяния, является наличие в системе уголовно-исполнительных процессуальных отношений стороны исполнения и стороны отбывания *процессуальных правоотношений обеспечения покаяния*, интегрирующих покаянное отношение стороны исполнения (содействия субъективному покаянию) и стороны отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний в *пенитенциарные правоотношения* единого для сторон объективного процесса покаяния.

Единство исполнения и отбывания в пенитенциарном процессе упреждает развитие противоположностей сторон в противоречия и конфликты, порождающие правонарушения (основные опасности в учреждениях УИС), объективно обусловленные субъективными особенностями участников, разделением их на процессуально-обособленные стороны с подчинением отбывания исполнению, в котором права исполнителей — это прежде всего обязанности осужденных, заключенных под стражу. *Взаимобусловленность прав и обязанностей сторон в обеспечении покаяния проявляется в гармоничной взаимосвязи реализующих их действий (пенитенциарных отношений) сторон, системообразующей процессы исполнения и отбывания* заключения под стражу и уголовных наказаний в едином для них режиме в едином пенитенциарном процессе, в котором относительно становится самостоятельность процессов исполнения и покаянного отбывания. Системообразующая взаимосвязь

исполнения и отбывания проявляется как обеспечение пенитенциарным (побуждающим к покаянию) исполнением осуществления и безопасности наличного покаянного отбывания и как возникновение пенитенциарных правоотношений заключенных под стражу, осужденных, сотрудников УИС и иных лиц. Названное составляет предмет, цель и результат *пенитенциарной функции* (направления деятельности) государства. Единого пенитенциарного процесса нет при законодательной неопределенности пенитенциарной цели, функции исполнения и отбывания, права на покаяние, пенитенциарного процесса, при невыполнении в полном объеме пенитенциарной функции органами УИС и расследования в отношении заключенных под стражу лиц.

Сущностной особенностью жизнедеятельности участников пенитенциарного процесса и учреждений УИС является *режимность* — подчиненность единым упорядочивающим *нормативам* (общеобязательным для участников и обеспеченным принуждением к выполнению нормам-правилам, процедурам, порядкам режима жизнедеятельности, ограничивающим права заключенных и осужденных в связи с совершенным преступлением и уголовным наказанием) материальных и процессуальных норм, *составляющим содержание режима* и представляющим его особым правовым институтом уголовно-исполнительного, а ранее — исправительно-трудового права.

Режим определен в УИК РФ (ст. 82) и Законе № 103-ФЗ (ст. 35) как установленный законом порядок исполнения и отбывания уголовных наказаний и заключения под стражу. Согласно этому определению в уголовно-исполнительной доктрине [6, с. 343] и практике режим понимают двояко: как установленный законом *модельный правовой* и соответствующий ему *фактический порядок* исполнения и отбывания заключения под стражу и уголовных наказаний. Законодательное определение режима в качестве правовой модели уточняет представление о нем как о совокупности правовых нормативов как оснований упорядочивания действий (правоотношений) процессов исполнения и отбывания. Соответственно, понятия режим — правовая модель и процесс совпадают наличием в их содержании процессуальных норм, но режим, в отличие от процесса, формализован в законе как самостоятельный, не связанный с процессом институт и, как система процессуальных норм, фактически является совокупным правовым основанием процесса и в этом смысле его элементом. Самостоятельность режима обуславливают, во-первых, формальная неопределенность в законодательстве пенитенциарного процесса, во-вто-

рых, принадлежность процессуальных уголовно-исполнительных норм институту режима; в-третьих, карательный характер содержания составляющих режим норм, ограничивающих права заключенных под стражу и осужденных в связи с совершенным преступлением. Закон придает режиму функции *условия исправления* (ч. 2 ст. 82 УИК РФ) и *обеспечения* охраны, изоляции, надзора, прав, личной безопасности осужденных и т.д. (ч. 1 ст. 82 УИК РФ). По сути приведенные признаки самостоятельности режима придают институту режима в двух его значениях характер предпроцесса, но фактически не режим, а процесс (действия, правоотношения участников) собственно и обеспечивает режимный правопорядок, исправление, подготовку к законопослушной социальной адаптации, реализацию элементов исполнения и отбывания: охраны, надзора, контроля, субъективных прав и т.д.

Придание полифункциональности режиму посредством отождествления его с обеспечительной деятельностью представляется лексически и юридически необоснованным, поскольку правовые основания правовых действий не являются действиями, процессом. Режим может обеспечивать что-либо как правовое основание обеспечения фактического режима — как режимного правопорядка, режимный правопорядок — как фактор наличия, поддержания требуемой законом упорядоченности процессуальных действий, отношений и т.д. *Отождествление режима с обеспечительной деятельностью — это отождествление режима с процессом как системой обеспечительных действий, правоотношений.* Относительно процесса режим не является самостоятельным правовым институтом, категорией и остается таковым в силу формальной невыраженности процесса в уголовно-исполнительном законодательстве и относительной самостоятельности карательного содержания составляющих режим нормативов, несвойственного нормативам иных юридических процессов. В действующем законодательстве соответствующие видам уголовных наказаний виды режимов-нормативов исполнения и отбывания уголовных наказаний (общий, особый, строгий) и заключения под стражу определяют виды пенитенциарных процессов, различающиеся объемами включенных в режимные нормативы ограничений прав заключенных под стражу и осужденных лиц. В обосновании необходимости трансформации уголовно-исполнительного законодательства в пенитенциарное и выделения пенитенциарного процесса представляется значимым то, что разновидности режимов — правовых моделей тождественны функционально как правовые основания

пенитенциарного процесса, который может подразделяться по несущественному для наказания критерию «режимных условий исполнения и отбывания» на пенитенциарные процессы общего, особого, строгого, тюремного режима общих и облегченных условий. Понятие процесса шире понятия режима и включает иные элементы: процессуальные действия (отношения), стадии, процессуальные статусы участников, правовые средства, гарантии и т.д., посредством которых, в частности, реализуется правовая пенитенциарность.

Список литературы

1. *Галузин А.Ф.* Правовая безопасность и ее принципы. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
2. *Галузин А.Ф.* Теория и практика пенитенциарной безопасности личности, общества, государства. — М., 2012.
3. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / сост. протоиерей Серафим Словодский. — Киев, 2003.
4. *Зелинский А.Ф.* Рецидив преступлений и личность рецидивиста: учеб. пособие. — Волгоград: ВСИ МВД СССР, 1980.
5. Комментарий европейских пенитенциарных правил // Тюремная библиотека. Вып. 2. Европейские пенитенциарные правила. — М., 1999.
6. *Коннегер П.Е., Рыбак М.С.* Уголовно-исполнительное право России: учебник. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2012.
7. *Мелентьев М.П.* Структура советского исправительно-трудового права: учеб. пособие. — Рязань, 1981.
8. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / сост. Е. Ефремов; под ред. И.А. Бодуэн-де-Куртене. Изд. 2-е. — URL: <http://sis.slovarnik.ru/html/p/penitenciar3y.html>
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1997.
10. Рекомендация № R(87)3 Комитета Министров государствам-членам относительно европейских пенитенциарных правил. Ч. 1. Основопологающие принципы // Тюремная библиотека. Вып. 2. Европейские пенитенциарные правила. — М., 1999.
11. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2-х т. Т. 2. Общая часть: учебник / под ред В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. — М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина; Элит, 2012.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 1. Ст. 1.

16. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. Ю.И. Калинина. — Рязань, 2001.

17. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Астрель, 2000. Т. 3.

The Legal Institution of Penance and Prison Law

Alexandr F. Galuzin,

Cand. in Law,
Dep. Prosecutor in Samara region
Russia, Samara

In the article the notion of the legal institution of repentance, the penal process and law, penitentiary function of the state and society are supported.

Keywords: *repentance, right to repentance, legal institute and the process of repentance, penal law, purpose and idea (principle) of repentance, penitentiary function.*

References

- Galuzin A.F. Pravovaia bezopasnost' i ee printsipy. — SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2008.
- Galuzin A.F. Teoriia i praktika penitentsiarnoi bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstva. — M., 2012.
- Zakon Bozhii. Rukovodstvo dlia sem'i i shkoly / sost. protoierei Serafim Slovodskii. — Kiev, 2003.
- Zelinskii A.F. Retsidiv prestuplenii i lichnost' retsidivista: ucheb. posobie. — Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1980.
- Kommentarii evropeiskikh penitentsiarnykh pravil // Tiuremnaia biblioteka. Vyp. 2. Evropeiskie penitentsiarnye pravila. — M., 1999.
- Konneger P.E., Rybak M.S. Uголовно-исполнительное право России: учебник. — Saratov: Ai Pi Er Media, 2012.
- Melent'ev M.P. Struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava: ucheb. posobie. — Riazan', 1981.
- Novyi polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii iazyk, s ukazaniem proiskhozhdeniia ikh, udarenii, otraslei znaniia i s rasshirennoi entsiklopedicheskoi chast'iu / sost. E. Efremov; pod red. I.A. Boduen-de-Kurtene. Izd. 2-e. — URL: <http://sis.slovarnik.ru/html/p/penitensiarn3y.html>
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. — M.: Azbukovnik, 1997.
- Rekomendatsiia № R(87)3 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam otноситel'no evropeiskikh penitentsiarnykh pravil. Ch. 1. Osnovopolagaiushchie printsipy // Tiuremnaia biblioteka. Vyp. 2. Evropeiskie penitentsiarnye pravila. — M., 1999.
- Rossiiskii kurs uголовно-исполнительного prava: v 2-kh t. T. 2. Obshchaia chast': uchebник / pod red V.E. Eminova, V.N.Orlova. — M.: MGIA im. O.E. Kutafina; Elit, 2012.
- Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1995. № 29. St. 2759.
- Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996. № 25. St. 2954.
- Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1997. № 2. St. 198.
- Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. № 1. St. 1.
- Uголовно-исполнительное право. Obshchaia chast': uchebник / pod obshch. red. Iu.I. Kalinina. — Riazan', 2001.
- Ushakov D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka. — M.: Astrel', 2000. T. 3.